

та эта доказывает нам, что война—какой бы ни была исходь—не выгодна для России. Это мы знаем безошибочно, но все таки послушаем его доводы: «Если турки панесут поражение своим противникам, то вся мусульманская безобразия будут забыты (напрасно, присовокупим мы, потому что даже сама блестательная победа не должна заставить забыть про дикий оргия башибузуков, про сибирьность панцирь); официальная гнусность Порты, ее несносный деспотизм, банкротство, совершененный в Болгарии власты, в ее осталась звезда будут преданы забвению и турецкий политический и религиозныйитет опять упрочится на Босфоре. Но если русские одержат победу над турками, то бдительность европейских правительств, усиленная замышлем пародии, заставит Россию ограничить разрывы своих дейстий, отказаться от плодов своих побед, выпустить из рук предмет ее стремлений, отказаться от цели своего честолюбия. Очень может быть, что даже в лучшем случае явная цель предпринимаемого России крестового похода—улучшение части христиан—не будет достигнута такъ действительно, какъ достигнута въ томъ случаѣ, если Россия останется въ согласии съ другими державами, буде наблюдать за дѣятельностями Порты, чтобы вымыть съ остальныхъ въ наложенный моментъ вновь выступить со своими предложеніями.»

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТИЯ. ИЗЪ СЕРБСКОЙ ВОЙНЫ *).

(Разсказъ добровольца.)

Скончалось, я говорю, наше миление ординарцъ и собралось наше членъ въ штабъ и спросилъ капитанъ. Поздно наше наше элегантные экипажи, т. е. длинныя колы, занимались мы всѣ въ эти колы, какъ жили обыкновенно занимались въ крытыя долгушки Западнаго края. Кто сѣлъ синою къ другому, кто боялся, а кто и просто чуть ли не на сапогу сѣлъ.

Тогда скомандовалъ передовой. Колы тронулись.

Между нами нашлось пять-шесть членъ таинъ волонтеровъ, какихъ разъ можно было только встрѣтить въ Париже въ времена санкюлотовъ французской республики. Это были какъ-то оборванцы, въ лохмотьяхъ, имѣли видъ мазурковъ.

Вотъ такъ партія! состригъ капитанъ съ Георгиевскимъ крестомъ въ петличкѣ.

Действительно партія была курьезная. Почему въ статскомъ плащѣ, господа? спросилъ пропорщикъ санкюлота.

Позвольте.. имѣлся капитанъ: Какъ вы неделюжно спрашиваете! Потому вы говорите: въ статскомъ плащѣ?

— А какъ же надо сказать?

— Потому что, напримѣръ, не говори-асъ въ дамскихъ кофточкахъ!

Въ костюмахъ санкюлотовъ было вѣчно неопределенное.

Ха! ха! ха! загодосила публикъ.

Съ другими вѣстѣ смыкались и санкюлоты.

— Вы, господа, откуда этикѣтъ? продолжалъ капитанъ сързено? — Изъ Кладова. Мы, знаете, прямъ сюда прошли, въ Бѣлаградѣ не были, потому и необумандарались, старались оправдаться санкюлоты.

— Вы говорите—откуда? переспросилъ капитанъ.

— Изъ Кладова.

— Изъ Кладова! а думали вѣтили. Ха! ха! ха! повторился хохотъ.

— Почему вы такъ думали?

— Потому у Гарibalди такіе-были... ву, что-же такое! Это ничего! Теперь и Хорватовича будуть тоже гарibalдийцы.

— Пекорѣвать-то все равно въ какомъ костюмѣ, захрипѣть кто-то изъ санкюлотовъ.

— А у васъ горышико-то того... какъ будто по чисто!..

— Изъ Одессы наслѣдство везу, откроюко сознаніе санкюлоту.

— Вотъ, думаю,—пошли а въ парижъ-то!

— Сто-о-о-о! скомандовалъ кто-то изъ первого кабака.

— Этакъ что добрая, мы не скоро добедимъ, усомнился капитанъ?

— Несколько же, ваше высокородие, безъ вѣдѣнія, имѣлся волонтер изъ русской солдатиковъ.

— Оно конечно трудно... но возможнъ, отвѣтилъ капитанъ.

Все вывались изъ трехъ колъ.

— Что ни въ есть ютой! кричалъ другой.

Подали раки, вѣшили что-то много; подали дальше.

— Сто-о-о-о! раздалась та же команда у сѣдующаго кабака и т. д. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока мы не добрались до понтона моста, перекинутаго черезъ реку Мораву въ томъ самомъ мѣстѣ, где дорога поворачивала въ землистую высоту.

Выѣзъ у понтона моста стоялъ предположительный кабакъ. У этого предположительного кабака появился уже первые контумиціи въ голову.

— Изъ Биржъ, Вѣ!

— Оставить ихъ на этомъ самомъ первенствѣ! пунктъ! приказалъ капитанъ.

Мы ихъ и оставили.

— Хорошо сдѣлали! замѣтилъ вынужденый солдатъ.

— Почему? спросилъ капитанъ.

— Потому не благородно!

— Вѣро, братецъ твой.

Сербъ воинъ только могъ удивляться при виде столь могучей способности русского человека выпить такое количество раки, какое сербу даже и во снѣ не силоилось.

— Тутъ-тѣ, покачивая сербъ головою.

— Чего головой-то мотаешь? спрашивали его волонтеры.

— Русы многое піе!.. русы добре піе!.. отвѣтѣлъ сербъ.

— У-у, брат! Русы такъ пьютъ, что мое почтеніе!! хвастались волонтеры.—Тутъ, братецъ, русы вѣсюють.

— Ехъ! У Сербіи доста (довольно) раки.

Наконецъ къ вечеру мы поѣхали къ штабу Хорватовича. Штабъ Хорватовича помѣщался въ одномъ изъ домовъ деревни Шипиловъ. Деревня была окружена покинутыми жителями; изъ нѣкоторыхъ домовъ еще не выѣзжали. Мы выѣзжали изъ колъ, хвативши волонтеры подбородки, въ срѣзу всплыли во дворъ. Рядомъ съ домомъ стояла машина. На машинѣ были раскинуты дѣлъ палатки. Передъ одной изъ палатокъ, въ стомъ вѣздухъ сидѣлъ самъ Хорватовичъ.

Хорватовичъ—высокий мужчина среднихъ лѣтъ. При первомъ взгляде онъ производилъ впечатлѣніе, я не скажу, чтобы это впечатлѣніе было не благоприятное для полковника. Напротивъ, онъ казался очень симпатичнымъ, хотя и неуклюжимъ и даже можетъ быть нѣсколько грубоватымъ. Онъ одѣвался всегда въ походный, форменный зимний кашемировый пиджакъ, широкими лацканами и длинными сапогами. Хорватовичъ высокаго роста, чѣти, съ длинною, клинообразною, окладистою бородою, съ голубыми, покойными, умными, выразительными глазами. Голосъ его мягокъ, оборотъ рѣчи простъ, обращеніе непринужденно. При первомъ знакомствѣ съ нимъ вы находите въ немъ искреннаго, прямаго, честнаго человѣка, который рѣжетъ правду-матку въ глаза. Правда, онъ гробоватъ въ обращеніи, искосъ, неестественъ, за то сколько симпатичнаго въ этомъ человѣкѣ. Надо полагать, что всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ живъ онъ говорилъ и творилъ одну только правду на глазахъ и въ глазахъ человѣчества. Голубые его глаза мягко смотрятъ изъ подъ длинныхъ ресницъ въ спокойную минуту и сверкаютъ, когда онъ разсредитъ. Черты лица его мягки, правильны; лицо продолговатое. Онъ красивъ собою. Вѣчно задумчивъ, Хорватовичъ не любилъ говорить, но любилъ слушать. Онъ внимательно слушалъ каждого спокойно, не перебивая, затѣмъ отвѣтывалъ всегда коротко, ясно, определенно. Онъ терпѣть не могъ интриговать и выходить изъ себя при виде какого набудь нечестнаго поступка. Онъ все прощалъ храбрцу, но не пеперивъ, затѣмъ отвѣтывалъ всегда коротко, ясно, определенно. Онъ терпѣть не могъ интриговать и выходить изъ себя при виде какого набудь нечестнаго поступка. Онъ все прощалъ храбрцу, но не пеперивъ, затѣмъ отвѣтывалъ всегда коротко, ясно, определенно. Онъ терпѣть не могъ интриговать и выходить изъ себя при виде какого набудь нечестнаго поступка. Онъ все прощалъ храбрцу, но не пеперивъ, затѣмъ отвѣтывалъ всегда коротко, ясно, определенно.

Наставиша вечеръ, и мы отправились на позицію.

внѣ этихъ вымышленныхъ эпизодовъ, не стѣсняясь бросать грязью въ чистое, изысканѣе лицо полковника Хорватовича. Хорватовичъ, повторю, былъ одиозъ изъ честѣйшихъ, самыхъ симпатичныхъ и дальнихъ начальниковъ сербской арміи.

Исно, что прыммы и законныи палатники, «большаго человѣка» Николай I, а съ нимъ и вся Россія, считали всѣхъ тѣхъ, кого когда-то ограбила Турція. Старый разбойникъ изѣхаетъ — патріотичнѣе имъ возвращается по природѣ.

Мечты же о Константинополѣ подскакали намъ изъ азиатскими, и теперь дѣбѣтально многихъ занимаются.

Конечно, что турецкимъ протоколомъ было только первымъ шагомъ, и до Вазантіи грекамъ было еще далеко, но всѣхъ шагъ были сдѣланы, и къ протоколу присоединилась вскорѣ и Франція. Тогда протоколъ былъ обнаруженъ въ договорѣ, подъ названіемъ «Лондонскаго».

Но тутъ, однако же, на него не отвѣтила.

Тогда рѣшено было сдѣлать сообща дѣмочтію флотомъ, но пріѣзжая въиро-дѣмочтію къ оружью безъ особой крайности. Цѣ турецкимъ флотомъ командовалъ изѣстный фанатикъ и упրямъ Тагир-паша, и вотъ 8 октября 1827 года произошло «неожиданное происшествіе» (upward event), какъ выражалась англичанская пресса: турецкій флотъ былъ истребленъ подъ началствомъ адмирала Гейдена, англійскими судами командованою Кодриктона, а французскими Риши. Союзники, въ числѣ 27 кораблей, отрѣзали турецкому флоту въ гавань, и послалъ двѣ армии: турецкій флотъ былъ истребленъ подъ началствомъ адмирала Навариномъ. Русскихъ судовъ было только 8 подъ началствомъ адмирала Гейдена, англійскими судами командованою Кодриктона, а французскими Риши. Но было еще одинъ врагъ, котораго императоръ Николай не терпѣлъ еще болѣе: Турція—это революція.

(Окончаніе сдѣлъ.)

* * * * *

РОССІЯ И ТУРЦІЯ ДО СЕВАСТОПОЛА. *)

Послѣ бухарестскаго договора (16 мая 1812 г.), пользуясь нашею бѣдою дѣмадцатаго года, турки вѣроломно напали на Сербіи и даже стали захватывать наши куническіе суда. Мы терпѣли по-неволѣ, но съ 1816 г. начались переговоры, таинственныя беззаконіе 5 лѣтъ. Тутъ всинчупло въ 1822 г. греческое восстание, и турки, схвачивши патріарха Григорія въ церкви, въ день св. Пасхи, распали его. Переговоры пошли съ здѣшнимъ, Хорватовичъ и любилъ говорить, но любилъ слушать. Онъ внимательно слушалъ каждого спокойно, не перебивая, затѣмъ отвѣтывалъ всегда коротко, ясно, определенно. Онъ терпѣть не могъ интриговать и выходить изъ себя при виде какого набудь нечестнаго поступка. Онъ все прощалъ храбрцу, но не пеперивъ, затѣмъ отвѣтывалъ всегда коротко, ясно, определенно.

Капитанъ Мольтке (нынѣшній фельдмаршалъ), въ своемъ описаніи русско-турецкой войны 1828—1829 годовъ, говоритъ, что, вступая за грековъ, «Великобританія, вопреки собственному желанію, какъ бы прислушивалась къ волнамъ нашихъ славянскихъ братій, лишившихся крова, хлѣба и семейства.

Симпатія наши къ славянамъ появилась въ настоѧщемъ ерена наполеонію ужасомъ сердца русскихъ людей, въ прошлыхъ событияхъ, совершающихся теперь въ Сербіи, Черногоріи, Босніи, Болгаріи и Герцоговинѣ, заставляющихъ русский народъ чѣмъ-то прислушиваться къ волнамъ нашихъ славянскихъ братій, лишившихся крова, хлѣба и семейства.

Издавна нашею къ славянамъ появилась, потому что мы смили—славяне. Дѣло только въ томъ, что мы смили и свободы; они же политически разబраны и находятся въ зависимости отъ другихъ, народа.

Чтобы эти смили удержать съ собой, чтобы инстинктивную любовь русского человѣка къ его славянскимъ братіямъ обратить въ любовь къ землѣ, рабину, — для этого нужно въ илѣ: ильно, чтобы русский народъ сознавалъ съ остальными славянскими мірами, въ общемъ и чувствами, склониши въ гравии и вообще со всѣмъ строемъ его разнобранной племенной жизни.

Издавна нашею къ славянамъ появилась, потому что мы смили и свободы. Дѣло только въ томъ, что мы смили и свободы; они же политически разబраны и находятся въ зависимости отъ другихъ, народа.

Чтобы эти смили удержать съ собой, чтобы инстинктивную любовь русского человѣка къ его славянскимъ братіямъ обратить въ любовь къ землѣ, рабину, — для этого нужно въ илѣ: ильно, чтобы русский народъ сознавалъ съ остальными славянскими мірами, въ общемъ и чувствами, склониши въ гравии и вообще со всѣмъ строемъ его разнобранной племенной жизни.

Издавна нашею къ славянамъ появилась, потому что мы смили и свободы. Дѣло только въ томъ, что мы смили и свободы; они же политически разబраны и находятся въ зависимости отъ другихъ, народа.

Чтобы эти смили удержать съ собой, чтобы инстинктивную любовь русского человѣка къ его славянскимъ братіямъ обратить въ любовь къ землѣ, рабину, — для этого нужно въ илѣ: ильно, чтобы русский народъ сознавалъ съ остальными славянскими мірами, въ общемъ и чувствами, склониши въ гравии и вообще со всѣмъ строемъ его разнобранной племенной жизни.

Издавна нашею къ славянамъ появилась, потому что мы смили и свободы. Дѣло только въ томъ, что мы смили и свободы; они же политически разబраны и находятся въ зависимости отъ другихъ, народа.

Чтобы эти смили удержать съ собой, чтобы инстинктивную любовь русского человѣка къ его славянскимъ братіямъ обратить въ любовь къ землѣ, рабину, — для этого нужно въ илѣ: ильно, чтобы русский народъ сознавалъ съ остальными славянскими мірами, въ общемъ и чувствами, склониши въ гравии и вообще со всѣмъ строемъ его разнобранной племенной жизни.

Издавна нашею къ славянамъ появилась, потому что мы смили и свободы. Дѣло только въ томъ, что мы смили и свободы; они же политически разబраны и находятся въ зависимости отъ другихъ, народа.

Чтобы эти смили удержать съ собой, чтобы инстинктивную любовь русского человѣка къ его славянскимъ братіямъ обратить въ любовь къ землѣ, рабину, — для этого нужно въ илѣ: ильно, чтобы русский народъ сознавалъ съ остальными славянскими мірами, въ общемъ и чувствами, склониши въ гравии и вообще со всѣмъ строемъ его разнобранной племенной жизни.

